

Н. С. Авдони́на

## МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ В АФГАНИСТАНЕ (1979 – 1989)

---

Автор рассматривает сформированный в поле массмедиа политический миф о войне в Афганистане (1979–1989) и те последствия, которые это имело для дальнейшего восприятия военного конфликта обществом.

**Ключевые слова:** война в Афганистане (1979-1989), историческая память, политический миф, «Афганский излом», массмедиа.

---

За время своего существования любая нация накапливает объемный багаж исторической памяти, выражающийся в памятных датах, веках жизни и творчества выдающихся людей. Празднованием подобных событий укрепляется коллективная память. Нередко восприятием определенных исторических событий манипулируют разные общественно-политические группы (т.н. политизация исторической памяти). Примечательный всплеск активности исторического сознания пришелся на период перестройки. Тогдашний интерес объяснялся политической задачей провести явную разграничительную линию между «новым политическим мышлением» и прошлыми «ошибками и заблуждениями».

В отношении продолжавшейся войны в Афганистане (1979–1989) правительство М. С. Горбачева демонстрировало качественные отличия от прошлой власти и отрекалось от решения ввести войска в Демократическую Республику Афганистан (ДРА). Информационные ресурсы массивно использовались для закрепления в историческом сознании россиян представления о перестройке как о времени, когда была прекращена война в Афганистане, а решение о ее развязывании было осуждено с позиций морали и политики<sup>1</sup>.

Поскольку завершалась война, большая часть которой прошла в неизвестности, именно средствами массовой информации предстояло решить задачу актуализации и сохранения исторической памяти о конфликте. В печати публиковались полосы, посвященные не столько войне, сколько ветеранам. «Комсомольская правда» призывала читателей включиться в процесс создания книг памяти по районам, городам или областям<sup>2</sup>. Главной целью подобных мероприятий было сохранение памяти о солдатах, сынах отечества. Однако дальше призыва СМИ не пошли.

---

<sup>1</sup> Более подробно см.: Глухов. 1989; Горохов, Окулов. 1988; Снегирев. 1989.

<sup>2</sup> Память // Комсомольская правда. 1989. 15 февраля.

Если для массмедиа информационный повод войны был упущен – основные боевые действия завершились, а с 1986 г. начался процесс планомерного вывода войск, и основное внимание было приковано к социальным проблемам ветеранов, то для кинематографа осмыслить прошедшую войну с позиций искусства, а значит, культурных символов, становилось весьма актуальной задачей. О войне в Афганистане снято немало кинолент: «Жаркое лето в Кабуле» (1983), «За все заплачено» (1988), «Сержанта» (1988), «Опаленные Кандагаром» (1989), «Груз 300» (1989), «Афганский излом» (1991), «Нога» (1991), «Караван смерти» (1991), «Мусульманин» (1995), «9 рота» (2005). В ряде фильмов война является лишь необходимым сюжетным фоном, но в некоторых действие разворачивается непосредственно в Афганистане.

В настоящей статье предпринимается попытка проследить идеологический и политический конфликт исторической памяти в процессе медиатизации войны в Афганистане.

Мы отталкиваемся от того, что историческая память есть совокупность осмысленных обществом событий. Особенно глубоко в ней запечатлеваются трагические ситуации – катастрофы, бедствия, войны, революции. Историческая память является видом коллективной (социальной) памяти, но ее основа сплетена из индивидуального опыта многих граждан. Ветераны боевых действий составляют конкретную социальную группу и обладают своей памятью, которая не ограничивается перечислением даты начала и завершения конфликта, а также тех боевых операций или особых событий, которые освещались в СМИ. Память каждого ветерана включает в себе реально пережитый боевой опыт, выражающийся визуальными образами и чувственными переживаниями. Именно эта социальная группа острее всего реагирует на попытки режиссеров передать свою интерпретацию событий: «Мужички-киношники! Может, хватит из нас делать пушечное мясо? Поймите, вы, тугодумы, мы пришли назад ЖИТЬ, а не быть пугалом (каким вы нас делаете): "Граждане, живите честно, а то явится взвод головорезов-"афганцев", и всем вам кранты". Это читается в каждом вашем "фильме". Что вы знаете о нас, об этой бойне, именуемой "интернациональным долгом"?»<sup>3</sup>.

Считается, что индивидуальная (личные воспоминания) и коллективная (ассоциирование себя с социальной группой) памяти могут взаимопроникать, но никогда не смешиваются<sup>4</sup>. Однако на примере *военных фильмов и фильмов о войне* просматривается иная тенденция. *Военные*

---

<sup>3</sup> После Афганистана // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря. С. 2.

<sup>4</sup> Романовская. 2010. С. 39-44.

фильмы могут быть как патриотическими, так и антивоенными, основная сюжетная линия завязана на боевых действиях и на иллюстрации поведения человека в экстремальных условиях. В фильмах о войне имеют значение не столько боевые действия, сколько сама война как феномен вообще и человек на войне. Подобные фильмы являются настоящим произведением искусства. В них может не быть крупных батальных сцен, как, например, в «Апокалипсисе сегодня» или «Рожденный 4-го июля», однако в этих кинолентах поднимаются вечные вопросы, конкретная война является не более чем фоном, режиссер концентрируется на противостоянии война – человек. На основе анализа этой проблемы в статье «Кинематограф о войне во Вьетнаме как элемент политической коммуникации»<sup>5</sup> можно предположить – индивидуальная память военных корреспондентов, непосредственно освещавших войну и нередко участвовавших в боевых операциях, привносится в коллективную память.

Если память в большей степени интуитивна, то историческое сознание апеллирует к конкретным идеям, представлениям, чувствам и настроениям, на которых строится восприятие прошлого, и оно же оценивается. Действительные участники или очевидцы событий имеют большее преимущество перед теми, кто вынужден узнавать о прошлом из книг, учебников или СМИ. Историческое сознание нескольких поколений периода войны в Афганистане формировалось неодинаково. Если для солдат война была «настоящей», то для общества, имевшего единственную возможность узнавать о событиях на южных рубежах Советского Союза из СМИ, конфликт был *бескровным* для ограниченного контингента советских войск (ОКСВ), а основные боевые действия разворачивались между моджахедами, поддерживаемыми западными странами и народной армией Демократической республики Афганистан<sup>6</sup>. С течением времени в историческом сознании общества закрепилось понятие «высаживание аллей дружбы» как символ деятельности ОКСВ в ДРА.

Период с 1986 г., когда началось частичное «открытие» войны для советских граждан, можно обозначить как «когнитивный диссонанс». С одной стороны, войны не было в массмедийном дискурсе. С другой – ветераны являли собой живое опровержение этого тезиса.

Без полноценного освещения боевых действий с участием ограниченного контингента война в Афганистане свелась к двум датам – 25 декабря 1979 г. и 27 февраля 1989 г. В школьных учебниках и книгах для учителя трактовка войны в Афганистане дается с позиции «перестроечной» политики: «Вывод советских войск из Афганистана стал важней-

---

<sup>5</sup> Авдонина. 2011. С. 197-206.

<sup>6</sup> См.: И пробуждается земля...; Миронов. 1981; Юсупов. 1983; Байков. 1984 и др.

шим внешнеполитическим актом СССР. В декабре 1989 г. II Съезд народных депутатов СССР осудил и признал грубой политической ошибкой «необъявленную войну» в Афганистане... Таким образом, была подведена черта под этой затяжной войной»<sup>7</sup>. «Серьезный удар по разрядке был нанесен вводом советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. СССР, для которого эта революция [Апрельская – Н. А.] в апреле 1978 г. явилась неожиданностью, тем не менее поддержал ее, увидев в этом возможность расширения своего влияния в этом регионе. Советские партийные идеологи сразу же стали рассматривать Афганистан как социалистическую в близкой перспективе страну... Участие советских войск в гражданской войне в Афганистане было непродуманным шагом и отрицательно сказалось на престиже СССР... В результате девятилетнего пребывания советских войск в Афганистане усилилась разорительная сверхмилитаризация страны... Решение направить «ограниченный советский контингент» в Афганистан было принято в момент, который представлялся брежневскому руководству звездным часом советского могущества»<sup>8</sup>.

Для понимания места войны в Афганистане в исторической памяти народа сошлемся на ряд исследований. Показательны результаты всероссийского исследования «Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки» (рук. – к.и.н. В.И. Меркушин). Его итоги поразительны особенно в контексте даты проведения – май-июнь 1990 г. Всего было опрошено 2 196 человек. Наиболее значимыми событиями и периодами истории были названы эпоха Петра I (72%), Великая Отечественная война (57%), Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война (50%), перестройка (38%), борьба с татаро-монгольским игом (29%), Киевская Русь (22%), годы после отмены крепостного права (14%), период НЭПа, а также индустриализация, коллективизация и культурная революция (по 12% соответственно), царствование Ивана Грозного, правление Екатерины II и первая русская революция (по 11% каждый ответ)<sup>9</sup>.

В целом можно заключить – названные респондентами события являются ключевыми пунктами школьной программы по истории.

Спустя десять лет, в 2001 г., было проведено исследование сотрудниками ЦС РАГС. Респондентов просили определить значительные вехи российской истории – поводы для гордости и события прошлого, вызывающие чувства горечи и стыда:

---

<sup>7</sup> Филиппов. 2007.

<sup>8</sup> Шестаков. 2008. С. 375-176.

<sup>9</sup> Омельченко, Сабирова. Электронный ресурс.

Символы гордости	% опрошенных	Отрицательные события	% опрошенных
Развитие космонавтики	32,6	Война в Чечне	21
Победа над фашизмом	23,2	Сталинские репрессии	13,6
Научные достижения	15,7	Горбачевская перестройка	12,7
Культура и искусство	13,6	Война в Афганистане	9,2
Создание военной техники	7,3	Развал СССР	6,6

В комментарии к исследованию В.Э. Бойкова говорится о «бесславных войнах, жестоких репрессиях, социальных невзгодах...», которые вызывают «отчужденное отношение к стране и государству» (там же). Хотя мы не можем с точностью утверждать, какие именно эмоции и чувства испытывали респонденты, называя в числе отрицательных событий войну в Афганистане, однако сам факт подобного ответа и трактовки исследователя является своеобразным «маячком» исторической памяти.

По причине диссонанса историческая память о войне в Афганистане не то, чтобы начинена мифами, а лишена общей интерпретационной и оценочной основы, которую можно пытаться «фальсифицировать» (что происходит с устойчивыми представлениями о Великой Отечественной войне). В то время как историческая память о Великой победе и войне присутствует в неразрывной связи с настоящим, память о войне в Афганистане, происходившая в недалеком прошлом, и ветераны которой по возрасту составляют трудоспособное население, сфокусирована именно в прошлом и имеет в общественно-политическом и массмедийном дискурсах слабую связь с настоящим. и тем более с будущим. Справедливости ради необходимо отметить, что именно СМИ поднимали вопрос о войне 1979–1989 гг. в связи с вторжением коалиционных войск НАТО в Афганистан в 2001 г. Параллели, исторические и военно-политические, проводились не только отечественными СМИ, но также и западными в контексте «извлечения уроков»<sup>10</sup>.

Искусство восполняет информационный пробел, образующийся после завершения вооруженного конфликта и удаления от события. Литература и кинематограф возвращают событие в сферу общественного сознания, побуждая общество к публичному обсуждению не только художественного произведения, но и собственно исторического события.

Наиболее показателен фильм «Афганский излом» (реж. В. Бортко). Основные события происходят в период вывода советских войск из Афганистана. В киноленте отражены следующие клише из прессы – побывать на безопасном расстоянии от непосредственных боевых действий,

<sup>10</sup> Из последних материалов см.: *Fisher*. 2011; *Braithwaite*. 2011; *Wendle*. 2012.

чтобы получить награду и купить дефицитный товар западного производства. «Афганский излом» подтверждает, что содержание исторической памяти может иметь поверхностное сходство с действительностью, память общества формируется через посредников – под влиянием СМИ и искусства, и поэтому проигрывает перед памятью отдельных солдат.

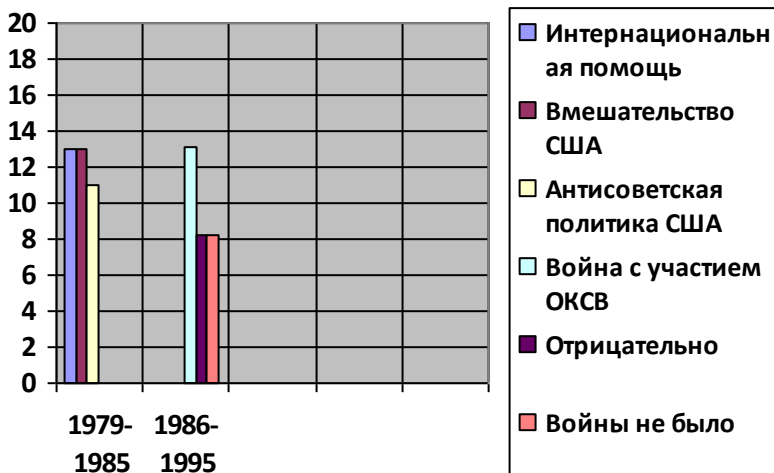
Историческая память формируется из *образов* событий, что может отражаться в наименовании, например, Великая Отечественная война и Великая победа. Слово «великая» ассоциируется с чем-то монументальным, жертвенным и практически священным. Применительно к войне в Афганистане такого закрепленного определения не существует, однако в неофициальном дискурсе чаще употребляются «бесславная» и «забытая». Одновременно эти слова являются и взаимодополняющими как причина и следствие – войну, которой нет повода гордиться, стоит забыть, «стереть из памяти». Определенный образ формируется разными акторами – властью, политическими партиями, СМИ, непосредственными участниками. Когда событие становится достоянием масс-медиа, оно переходит в сферу публичного обсуждения, в котором участвует и аудитория. В процессе осознания события формируется конкретный его образ, который затем закрепляется в историческом сознании и выражается в искусстве. Так складывается синхронный образ события, со временем, в результате его реконструкции и критики мы будем иметь ретроспективный образ, преломляющийся в культуре.

В качестве резюме можно представить следующее положение – война в Афганистане 1979–1989 гг. оформлена в политический миф, создание которого было начато при Л.И. Брежневем, а завершено при М.С. Горбачеве. Политический миф бескровной войны для ОКСВ использовался для реализации такой политической цели, как борьба за власть в условиях биполярного мира. С одной стороны, руководство страны осознавало, что прямая военная помощь ДРА будет воспринята мировым общественным мнением как вторжение, экспансия. С другой, за полгода до принятия окончательного решения на заседании Политбюро ЦК КПСС участники приходили к общему мнению, что официальная власть в Афганистане не пользуется значительной общественной поддержкой, и афганский народ может перейти впоследствии на сторону мятежников. Третий аспект политического решения касался вопроса Иранской революции 1979 г. как возможного катализатора подобных событий в других восточных странах (теория домино в трактовке советской власти), что и послужило основной мотивировкой военной поддержки ДРА.

События, представленные в СМИ не были полностью вымышленными – частично с их помощью власти приукрашивали действитель-

ность. Например, вскользь упоминалось реальное столкновение советских солдат с моджахедами в статье корреспондента «Огонька» Бориса Марбанова «Шакалы в волчьем логове»<sup>11</sup>. Материал выступал как двойное опровержение гибели советского военнослужащего С. Афиндулиди и реального вооруженного столкновения с повстанцами, о чем говорилось в публикации эмигрантского журнала «Посев». Парадокс заключался в том, что в советском издании появилась правдивая информация о выжившем Афиндулиди, но была произведена подмена понятий – бой произошел во время прохода мирной колонны советских солдат, в то время как в «Посеве» была дана достоверная информация о том, что советские солдаты вместе с армией ДРА участвовали в перехвате отрядов лазутчиков из Пакистана и караванов с американским оружием для бандитов, во время которого якобы и погиб Афиндулиди.

В период перестройки политический миф о бескровной войне развенчивался – публиковались письма, дневники и обращения ветеранов<sup>12</sup> однако наслаивался дополнительный миф об ошибочной войне.



Разъясним данные представленной диаграммы.

Для проведения контент-анализа нами было просмотрено 245 статей из центральных газет «Правда» и «Комсомольская правда», а также

<sup>11</sup> Марбанов. 1983.

<sup>12</sup> Алимов, Овчинникова. 1989; Овчинникова, Ткаченко. 1989; Яковлева. 1989.

журналов «Огонек» и «Новое время». Медиатизация<sup>13</sup> войны в Афганистане разделена на два этапа. Медиатизация первого периода (1979–1985) проходила в идеологическом контексте Холодной войны (другими словами – подчинялась политической логике); в немногих статьях, где упоминалось об ограниченном контингенте, журналисты акцентировали внимание на миролюбивой политике СССР, что и выражалось в таком понятии, как «интернациональная помощь».

Второй период медиатизации характеризовался тенденцией «открытия войны» для общественности, что обусловил высокий процент материалов об участии ОКСВ в боевых действиях (13,1), а это, в свою очередь, связано с тенденцией героизировать интернациональный долг как таковой. Мы выявили также тенденцию – одинаковое процентное соотношение резко отрицательных оценок решения ввести войска и самой войны в целом (*ошибка, заблуждение Брежнева, позор, бремя, афганский тупик, бесславная война, авантюра*), и оценок войны как несуществующего события, что было связано с развернувшейся в общественно-политическом дискурсе кампанией по политическому и моральному осуждению решения о военной помощи афганским властям. Таким образом, и во второй период (1986–1995) медиатизация военно-политического курса развивалась в фарватере политической логики – политический миф об ошибочной войне использовался руководством страны в целях легитимизации власти и реализации нового внешнеполитического курса.

Тем самым, мифы о бескровной и ошибочной войне преобразовались в форму сказки о несуществующем конфликте, который происходил в условиях информационной блокады. Оба мифа выполняли функцию объяснения происшедших событий. С одной стороны, «вмешательство извне [в ДРА – Н.А.] со стороны империалистических стран» и «оказание срочной политической, материальной, экономической помощи, включая военную», с другой – «это не наша война». Плоские интерпретационные схемы, имевшие разные основания, оставили глубокий пробел в истории и, следовательно, социальной памяти о войне и целом поколении. Остается одна возможность восполнить эту лакуну – обратиться к очевидцам, участникам событий, которые, действительно, могут рассказать правду. Возникает параллельно другой вопрос – захотят ли они вспоминать о прошлом и беречь свою *память*?

---

<sup>13</sup> В данном исследовании под термином «медиатизация» понимается двусторонний исторический процесс, в котором задействованы средства массовой информации, общество и политические лидеры, однако значительная роль принадлежит СМИ в создании и формировании дискурса политической коммуникации и того общества, в котором эта коммуникация осуществляется.



## БИБЛИОГРАФИЯ

- Авдонина Н.С.* Кинематограф о войне во Вьетнаме как элемент политической коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. Вып. 1. С. 197-206.
- Алимов М., Овчинникова Л.* Дневник одной роты // Комсомольская правда. 1989. 15 апреля.
- Байков В.* Разгромлены банды // Правда. 1984. 20 мая.
- Глухов Ю.* Подводя черту // Правда. 1989. 15 февраля.
- Горохов А., Окулов В.* Домой // Правда. 1988. 16 мая.
- И пробуждается земля* // Комсомольская правда. 1981. 28 июля.
- Марбанов Б.* Шакалы в волчьем логове // Огонек. 1983. 25 июня.
- Миронов Л.* Удары по бандитам // Правда. 1981. 17 февраля.
- Овчинникова Л., Ткаченко П.* Хочу рассказать правду об Афганистане // Комсомольская правда. 1989. 15 декабря.
- Омельченко Е.Л., Сабирова Г.А.* Изучение массового исторического сознания в постсоветской России: обзор подходов // Память Образование Политика. URL: <http://www.politmemo.ru/Filemanager/download/92> (время доступа 14.09.2009).
- Память* // Комсомольская правда. 1989. 15 февраля.
- После Афганистана* // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря. С. 2.
- Романовская Е.В.* Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. С. 39-44.
- Снегирев В.* Когда смолкают пушки // Родина. 1989. Март.
- Филиппов А.В.* Новейшая история России 1945–2006 гг.: книга для учителя. М.: Просвещение, 2007.
- Шестаков В.А.* Новейшая история России. М.: АСТ, 2008. С. 375-176.
- Юсупов Х.* Выбор // Комсомольская правда. 1983. 18 февраля.
- Яковлева Е.* Память // Комсомольская правда. 1989. 15 февраля.
- Braithwaite R.* Ghosts of Afghanistan: Hard truths and foreign myths of Jonathan Steele // The Observer. 2011. 25 Sep.
- Fisher M.* In arming Libyan rebels, U. S. would follow an old, dark path // The Atlantic. 2011. 25 May.
- Wendle J.* Afghanistan: Rising anger over an American's rampage, but also fear of U. S. departure // Time. 2012. 13 Mar.
- Авдонина Наталья Сергеевна*, кандидат политических наук, старший преподаватель Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова; [natochka1987@mail.ru](mailto:natochka1987@mail.ru)